

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
имени академика Н. Я. МАРРА
СЕКТОР СРЕДНЕЙ АЗИИ

ЭПИГРАФИКА

ВОСТОКА

II

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. В. А. КРАЧКОВСКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

АКАДЕМИИ
1948

НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД

А. А. СЕМЕНОВ

НАДПИСИ НА НАДГРОБИЯХ ТИМУРА И ЕГО ПОТОМКОВ В ГУР-И ЭМИРЕ

В июне 1941 г. я входил в состав правительственной комиссии, возглавлявшейся т. Кары-Ниязовым, заместителем председателя Совета Народных Комиссаров УзССР, целью которой являлось вскрытие в Самарканде погребений Тимура, его сыновей, Мираншаха и Шахроха, и внуков, Улуг бека и Мухаммед султана. Многочисленные корреспонденты столичной и местной прессы, газетные и журнальные работники, писатели, художники, артисты и киноработники, представители некоторых партийных, правительственных и общественных организаций в ожидании сенсационных открытий и возможных находок проявляли необычайный интерес к экспедиции и к ее работам. Вследствие этого чрезвычайно возрос в те дни интерес к литературе, посвященной мавзолею Гур-и Эмир и к надписям, покрывающим надгробные плиты в самом склепе названного мавзолея и надгробия в его верхней части. Но если хорошее популярное описание Гур-и Эмира и имеющихся погребений в его центральной части можно было найти в трудах В. Л. Вяткина и М. Е. Массона,¹ то удовлетворить любознательность публики в отношении содержания надгробных надписей оказалось делом невозможным, так как ни один из авторов, писавших о Гур-и Эмире и о древностях Самарканда, совершенно не касался этих надписей, несмотря на их большую историческую важность; не была отражена в этих трудах и та богатая эпиграфика, которая покрывает стены мавзолея. Не представляет в этом отношении исключения и самое, казалось бы, капитальное и роскошное издание Археологической комиссии „Самаркандские мечети. Альбом архитектурных рисунков и чертежей, вып. 1, Мечеть Гур-Эмир“ (СПб., 1905), если не считать в виде начальной заставки „верхней поверхности нефритового надгробия над могилой Тамерлана“,² надпись которой, впрочем, не расшифрована и не переведена. Таким образом, нельзя не прийти к заключению, что в имеющихся немногих трудах, посвященных

¹ В. Вяткин. Памятники древностей Самарканда. Самарканд, 1927, 32 стр.; М. Е. Массон. Памятка об экскурсии по Самарканду. Самарканд, 1929, 626 стр.; М. Е. Массон. Мавзолей Гур-Эмир. Ташкент, 1926, 30 стр.

² Н. Веселовский. Самаркандские мечети. Альбом архит. рисунков и черт., вып. 1, Мечеть Гур-Эмир, СПб., 1905. Библ. заметка в ЗВО, т. XVII, СПб., 1906, стр. 0184.

мавзолею Тамерлана, отведено место лишь внешнему описанию этого памятника с приведением иногда более или менее остроумных домыслов и предположений архитектурного порядка; что же касается, если можно так выразиться, идейной стороны усыпальницы Тамерлана и духа имеющихся в ней настенных и надгробных надписей, то все это до сих пор остается неизвестным. Правда, едва ли не единственная на русском языке попытка опубликовать некоторые из надписей Гур-и Эмира принадлежала С. А. Лапину, который дал перевод двух надписей: на самом Гур-и Эмире и на нефритовом надгробии „великого эмира“, ¹ сделав их с копий надписей, снятых одним из хранителей-приживальщиков („шейхов“) Гур-и Эмира, мирзой Абӯ Са'ид Ма'сӯмом. Всем прежним путешественникам и местным деятелям, интересовавшимся самаркандскими древностями, хорошо были известны эти копии. Они представляли большие полосы плотной писчей бумаги, склеенные из нескольких листов в натуральную величину каждого надгробия, нередко на восточный манер выложенные агатовым зубом; по приготовленной так полосе бумаги Абӯ Са'ид Ма'сӯм писал толстым, с широким срезом, тростником, почерком насх, или насх-и сулс ту или иную надпись и продавал такие копии по 10—30 рублей. Как он рассказывал мне, в числе его клиентов были покойные профессора Н. И. Веселовский, В. А. Жуковский и другие. В бытность нашей Комиссии в 1941 г. в Самарканде, около Гур-и Эмира, Абӯ Са'ид Ма'сӯм был еще жив и неоднократно появлялся с такими точно снимками надписей, предлагая их по 150 рублей за штуку.

Труд Лапина в свое время вызвал строгие рецензии местных деятелей. ² Петербургские и московские востоковеды обошли его молчанием. В отношении единственной переведенной Лапиным надписи из Тимуровой усыпальницы, той, что на нефритовом надгробии „Железного Хромца“, следует сказать лишь одно, что С. А. Лапин не только местами исказил смысл арабского текста, но, совсем отказавшись от перевода самой важной для историка боковой части надгробия, что в ногах покойника, совершенно ошибочно заметил, что „далее приводится молитва, которая не переведена“. ³ Как видно из прилагаемой при этом надписи и перевода, никакой молитвы в ней нет.

Вторым лицом, писавшим о самаркандских надписях, был французский ученый нашего времени Э. Блоше (E. Blochet). Его статья „Les Inscriptions de Samarkand“, напечатанная в „Revue Archéologique“ за 1897 г., т. I, стр. 67—109, была также выпущена в свет и отдельными оттисками. К сожалению, эта работа французского ориенталиста страдает большими дефектами. Так, надпись на надгробии Тимӯра, обозначаемая автором как Inscription A (face supérieure dans la chapelle du rez-de-chaussée, стр. 7 отд. оттиска), относится

¹ Справочная книжка Самаркандской обл. на 1896 г. Самарканд, 1896, стр. 3—4, отд. IV, статья „Перевод надписей на исторических памятниках г. Самарканда“.

² Н. Ф. Петровский. Перевод надписей на исторических памятниках г. Самарканда С. А. Лапина. Самарканд, 1895 (в № 13 „Туркестанских ведомостей“ за 1896 г.). — В[яткин]. Еще о книжке г. Лапина (Письмо в редакцию), „Туркестанские ведомости“, 1896, № 20.

³ С. А. Лапин, ук. соч., стр. 4, прим. 1.

к знаменитому надгробию из черного нефрита, поставленному Улуг бēком в Гур-и Эмире над местом погребения в склепе его грозного деда. При этом надпись на торцовой части надгробия в ногах покойника совершенно не приводится, хотя она включает важные исторические сведения. Другая надпись на гробнице Тимūra, обозначаемая Э. Блоше как *Inscription B* (*dans la crypte de Goûr-i Mir*, стр. 10 отд. оттиска), вообще не существует и неизвестно, откуда она взята автором. Самая же замечательная по выполнению и по обширности надпись на надгробной плите Тимūra, в склепе, под нефритовым саркофагом, совершенно не упоминается. Страшно тяжелая беломраморная плита с этою надписью, состоящая из трех, хорошо пригнанных друг к другу, кусков, прикрывает мраморное ложе, опущенное в землю; в нем оказался деревянный, из арчи (по другому определению — из тута), гроб с останками Тимūra, некогда покрытый роскошным черным шелковым покрывалом с арабской надписью, вытканной золотыми нитями. Теперь от этого покрывала сохранились лишь фрагменты. При вскрытии гроба в первые моменты из него пахло резким ароматным запахом. Этими подробностями подтверждается рассказ анонимного автора, что Тимұров „труп надушили благовониями, розовой водой, мускусом и камфарой“, ¹ и опровергается известие Ибн 'Арабшāха, что „тело [Тимұра] через некоторое время было переложено в стальной гроб, приготовленный искусным мастером из Шираза“. ² Блоше совершенно не упоминает о надписи на надгробной плите над погребением Шāхроха, заключающей интересные и до сих пор неизвестные исторические данные. У Блоше приведены полностью лишь надписи на гробнице сына Тимұра, Мйрāншāха, и на надгробной плите Улуг бēка. Любопытно отметить, что Блоше приводит сначала надписи без большинства диакритических точек, что дает повод думать, что надписи так и были вырезаны, а потом дает их в восстановленном виде, соответствующем требованиям обычной арабской письменности. Между тем все надписи в действительности имеют не только диакритические точки, но и во многих местах огласовку харакатами. Как могло все это случиться, — трудно сказать; автор утверждает, что для чтения и интерпретации надписей на гробницах Тимұра и Мйрāншāха он располагал фотографиями, а для прочих эстампажами, вывезенными из Средней Азии Э. Бланком (*E. Blanc*; стр. 4 отд. оттиска). Повидимому, это были не эстампажи, а столь похожие на них вышеупомянутые копировки Абū Са'ид Ма'сūма, не совсем отличавшиеся безусловной точностью.

Несмотря на такое, казалось бы, невнимание к эпиграфике Гур-и Эмира, ею все же частично пользовались покойные историки Востока, академик

¹ В. Бартольд. О погребении Тимура. ЗВО, т. XXIII, 1915, стр. 21 (отд. оттиск).

² В. Бартольд, ук. соч., стр. 23. Это известие Ибн 'Арабшāха, кажется, не вызвало сомнений у ученых, и М. Е. Массон, приводя названное свидетельство Ибн 'Арабшāха, добавляет, как бы желая подтвердить справедливость слов историка Тимұра, что „магнитные наблюдения 1925 г. над могилой Тимура подтвердили наличие в ней парамагнитного тела, вероятно, остатков гроба, а м. б. и других предметов“ (М. Е. Массон, ук. соч., стр. 19, прим. 1). В действительности ничего подобного в могиле Тимұра не оказалось.

В. В. Бартольд и Л. А. Зимин. Оба они ссылаются на дату смерти Тимūra (14 ша'бана 807 г.), правда, в неопределенных выражениях: „в надгробной надписи“ (акад. Бартольд); „на могиле Тимура“ (Л. А. Зимин).¹ Дата эта в действительности имеется на нефритовом надгробии Тимūra, поставленном Улуг бēком, на надгробной же плите Тимūra никаких дат нет. Академик В. В. Бартольд, со ссылкой на Блоше, упоминает о надгробной надписи на могиле Улуг бēка, „где с явным осуждением упоминается об отцеубийстве ‘Абдал-Латифа“.²

В то время как происходило вскрытие гробниц Тимūra и тимуридов с необходимой регистрацией, обмерами, зарисовками и фотографированием всего обнаруженного, мне удалось в значительной мере разобрать и записать надписи в склепе на надгробных плитах Улуг бēка, Шахроха и сомнительного Сейид ‘Омара, а в самом мавзолее надписи на надгробиях: Мираншаха, на нефритовом надгробии Тимūra и на надгробии его внука Мухаммеда султана. В апреле 1943 г. Юбилейным комитетом Навои был командирован в Самарканд покойный фотограф-специалист И. П. Завалин, снявший фотографии размером 13 × 18 со всех вышеназванных надгробных надписей. По этим фотографиям я проверил свои чтения, исправил казавшиеся мне сомнительными начертания отдельных слов и в более спокойной обстановке перевел все эти надписи.

Так как надпись на надгробной плите Тимūra в свое время мною не была прочтена по крайней сложности ее вязи, то И. П. Завалин по моей просьбе сделал с нее более увеличенную, чем 13 × 18, репродукцию, по которой я и даю текст и перевод этой очень сложной надписи, выполненной, по моему мнению, весьма талантливым „машшаком“ того времени.

Переходя к содержанию надгробных надписей, я позволю себе начать с основной, самой большой.

Надпись на мраморной плите, прикрывающей могилу Тимūra в склепе Гур-и Эмир, в Самарканде

Надпись [по-арабски] начинается с самой нижней, что в ногах покойника, поперечной ленты (рис. 1): هذا مرقد السلطان الاعظم والخاقان الاكرم ||

Отсюда переходит на левое, от зрителя, окаймление:

باسط الامن و الامان امير تيمور گورگان بن امير تغای بن الامير بوجل بن الامير ایلانگی
بن الامير ایجل بن الامیر قراجار نویان بن الامیر سوفوجیچن بن الامیر ایردمچی بولاس
بن الامیر قجولای³ بن الامیر تومناى ثم جنگیز خان بن الامیر یسوکای بهادر ||

¹ В. Бартольд. О погребении Тимура. ЗВО, т. XXIII, стр. 20.; Л. Зимин. Подробности смерти Тимура. Протоколы Турк. кружка люб. арх., год XIX, Ташкент, 1914, стр. 49.

² В. В. Бартольд. Улуг бēк и его время. Пгр., 1918, стр. 135.

³ Показанные знаком [ ] лакуны указывают на выбитые места; чтение разрушившихся слов установлено по соответствующим местам на других плитах.

Рис. 1. Надгробная плита над погребением Тимūra в склепе.

Затем переходит на самое верхнее, в изголовье, окаймление:

بن الامير برقان بهادر بن الامير قبول خان بن الامير تومناى بن الامير

Отсюда спускается вниз по правой, от зрителя, кайме:

بايسنقور بن الامير قيدو بن الامير تومناى (?توتومتين. в.м.) بن الامير بوفا بن
الامير بوذنجر و لم يعرف لهذا المجدد والد الا ان الله الانقوا وقد حكي لم¹ بك
بغيا بنور زكاء من اسباط اسد الله الغالب على بن ابى طالب كرم الله وجهه

Эта могила — величайшего султана, благороднейшего хакана, || прости-
рающего безопасность и защиту, амира Тимūra „Гүрегана“, сына амира
Тарагай, сына амира Баргуля, || сына амира Айлангир, сына амира Йджиля,
сына амира Қараджар Нойана, сына амира Сүгүджиджина, сына амира Йрдамчй
„барласа“, сына амира Качұлай [хана?], сына амира Тұманая. Затем [следует]
Чингиз хан, сын амира Есүкай бахадур, || сына амира Бартан бахадур, сына
амира Қабұл хана, сына амира Тұманая, сына амира || Байсунқұра, сына амира
Қайдұ, сына амира Тұманая¹ [вероятно, нужно Түтүмтіна], сына амира Бүгә,
сына амира Бұзанджир. И не был известен отец сего благородного, а только
его мать Алан Қувә. И как рассказывается, [это] не было [с ее стороны]
прелюбодеянием, а следствием чистого света, [проистекшего] от [одного из]
потомков Льва [Асад] Аллаха — победителя, ‘Алия, сына Абұ Талиба, —
да почит Аллах лице его!

На самой плите, между окаймлением с вышеприведенной надписью, идет
следующая арабская надпись, сделанная очень сжатым сульсом и занимающая
51 строку:

1. بسم الله الرحمن الرحيم بسم الله باسمه المبتدأ ربّ الاخرة والاولى لا غاية له
ولا منتهى
2. في السموات العلى الرحمن على العرش استوى الله العظيم آء دايم النعماء قاهر
الاعداء
3. الرحمن عاطف برزقه معروف بلطفه عادل في حكمه عالم في ملكه الرحمن رحيم
الرحماء عليهم
4. العلماء بصير البصراء غفور الغفراء باعث الانبياء صاحب الاولياء قادر على
ما يشاء قدير
5. سبحان الله الملك الحميد ذى العرش المجيد فعال لما يريد ربّ الارباب و مسبب
الاسباب و رازق و خالق الاخلاق قادر المقدور و قاهر المتهور
7. و عادل يوم الحشر و النشور آله الآلهة يوم الواقعة رحيم غفور شكور الحمد لله رب
العالمين
8. الحمد لله الملك الرحيم الاول القديم خالق العرش العظيم والسموات

¹ Таким образом, амир Тимұр и Чингиз хан восходят к одному общему предку, монголу
амиру Тұманая, от которого, по линии одного его сына, Качұлай, произошел Тимұр, а от дру-
гого, Қайдұ, произошел Чингиз.

9. والارضين وهو السميع العليم قابل التوبة شكور حلیم والحمد لله
10. العظيم هو الاول والاخر والظاهر والباطن الفاتح الدائم رازق البهائم

Надпись дальше продолжается под своего рода резным унваном:

11. صاحب
12. .... ادع السلا.....
13. يشفع السقيمين و يغفر الخطيين
14. و يعفو عن الهاربين و يحب الصالحين و يبتر النادمين
15. و يستر المذنبين و يؤمن الحاثبين سبحانه لا آله
16. الا انت الكريم المعبود غافر الخطايا وسائر العيوب شكور
17. حلیم عالم في الحدود منبت الزروع والاشجار ومدير
18. الليل و النهار فائق المحبوب غنى عن الخلق قاسم
19. الارزاق علام العيوب مذهب الغموم انت الذي سجد لك سواد الليل
20. ونور النهار وضؤ القمر وشعاع الشمس وحفف الشجر وذوى الماء
21. آلهى انت الذى سجد لك السماء و الارض و البر و البحر و من فيهن
22. آلهى انت الذى ليس كمثل شئ وهو على كل شئ قدير آلهى انت
23. تعلم السر والاعلان وما في القلوب آلهى انت الذى تعفو
24. عن المعاصى بعد أن يغرق في الذنوب آلهى انت الذى كل شئ خلقته
25. ينصرف اليك بالمنصرف آلهى اغفر لى خطيئتي يا رب فافض حاجتي كما
26. قلت ادعوني استجب لكم و انت بوعدك مصدق نجتى من الكرب
27. والغم والهَم والدين والضيق الشدة و المرض انت غياثى
28. كل مكروب ومظلوم ومصروب آلهى انت الذى قلت لا
29. تقنطوا من رحمتي¹ و انت لقولك صادق لست بمكذوب
30. وآ حفظنى يا مولاي من افات الدنيا والآخرة ولا تفضحنى
31. سيدي على رؤس الخلائق خاصة في يوم الموعود الله اكبر
32. الله اكبر الله اكبر لا ضد له ولا ندد ولا وصل له ولا
33. شبه له ولا وصف له ولا كفو له ولا حد له ولا حدود له ولا
34. مثل له ولا شريك له في الملك ولا وزير له اسالك يا عزيز
35. يا عزيز يا عزيز يا الله يا الله يا رحمن يا رحمن يا رحيم
36. يا رحيم يا رحيم ان ترننى في منامى ما رجوت منك واكرمتنى لمغفرنى
37. خطيئتي انك على كل شئ قدير وارزقني حفظ القرآن
38. وتخلطهما بدمى ولحمى وتكلى الى نفسى طرفة عين انك
39. على ما تشاء قدير ولا حولا ولا قوة الا بالله العلى العظيم
40. اللهم يا حنان يا منان يا ذى الجلال والاکرام اشهد ان
41. كل معبود من دون عرشك الى قرار الارضين السابعة

¹ Коран, сура XXXIX, стих 54: رَحْمَةً مِنْ رَبِّكَ.

42. باطل غير وجهك الكريم امننت بك لا آله الا انت
 43. ورضيت بك ربنا يا غياث المسعنين اغثنى وفريج عني
 44. كل سوء ومكروه في الدنيا والاخرة واصرف عني شر جميع
 45. خلقك وارزقني ووسع عني رزقي واغثنى لا آله الا انت
 46. اللهم اغثنى بجلالك عن حرامك و بطاعتك عن معصيتك
 47. وبفضلك عمن سواك الهمي انت خلقتني ولم اكن شيئا¹ ظلمت نفسي
 48. وارتكبت المعاصي و انا مقترلك بدووبي يا رب ان غفرتني فلا ينقص من
 49. ملكك شيء وان عذبتني فلا يزيد في سلطانك شيء يا رب انك تجد من
 50. غيري وانا لا اجد من يغفر لي ذنوبي غيرك فاغفر لي ذنوبي يا غفور
 51. يا رحيم يا ذا الجلال والاكرام وصلى الله على محمد وآله اجمعين

[1] Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Во имя Аллаха, во имя его всеначинающее, владыки будущей жизни и настоящей; нет ему конца и предела [2] в горных небесах. Всемилосердый утвердился на своем престоле. Аллах велик [в своих] милостях, он вечен [в своих] благодеяниях, он — победитель [всех] врагов, [3] он — всемилосердый, милостивый своими щедротами, известный своею благодатью, он справедливый в своих решениях, он — всеведущий в своем владении, он — всемилосердый, [самый] милостивый из милостивых, он всезнающий [4] из ученых, он всевидящий из видящих, он — всепрощающий из прощающих, он — посылающий пророков, он — владыка святых, он — всемогущий: что пожелает, мощен осуществить. [5] Слава Аллаху, царю преславному, обладателю преславного престола, делающему всегда то, что он желает, господину господ, причине всех [6] причин, наделяющему [всех своими] щедротами, творцу [всех] тварей, всевластному в отношении [всего] предопределенного; победителю [всех] побежденных, [7] правосудному в день страшного суда и [всеобщего] воскрешения, божеству божеств судного дня, милостивому, прощающему, щедро вознаграждающему. Хвала господу миров! [8] Хвала Аллаху, царю милостивому, изначально существующему, создателю великого престола, небес [9] и земли. Он — всеслышащий, всезнающий, приемлющий покаяние, щедро вознаграждающий, долготерпеливый. Хвала Аллаху [10] великому! Он — первый и последний, явный и скрытый, всегда побеждающий и питающий [всех] животных. [11] Он — владыка... [12] ...[выбито], [13] он исцеляет больных и прощает виновных, [14] он отпускает проступок беглецов и любит благочестивых, он — добр к раскаивающимся, [15] он скрывает преступления грешников и дарует надежду обманутым в своих надеждах. Я славлю тебя славословием, достойным тебя! Нет божества [16] кроме тебя, всеблагого, всепоклоняемого, прощающего прегрешения и покрывающего недостатки, щедро вознаграждающего, [17] долготерпеливого,

¹ Ср. выражение в Коране в стихе 20, сура XIX: وَلَمْ اَكُنْ بِغَيًّا и в той же суре в стихе 10: وَقَدْ خَلَقْتَنِي مِنْ قَبْلُ وَلَمْ اَكُنْ شَيْئًا.

знающего о пределах произрастания трав и деревьев, управляющего [18] ночью и днем, заставляющего произрастать зерно, не нуждающегося в тварях, наделяющего [19] [всех своими] щедротами, ведающего сокровенное и устраняющего печали. Ты тот, пред которым распростирается чернота ночи [20] и свет дня, сияние луны и лучи солнца, высыхают деревья и иссушаются воды [21]. Боже мой, ты тот, которому поклоняются небеса и земля, суша и море и то, что в них! [22] Боже мой, ты тот, „которому нет [никого и] ничего подобного! Он — всемогущий!“¹ Боже мой, ты [23] знаешь тайное и явное и то, что в сердцах! Боже мой, ты прощаешь [24] непокорного, после того, как он погряз во грехах! Боже мой, ты тот, который сотворил все сущее [25] [и] оно возвращается к тебе по [своем] удалении [из бытия]! Боже мой, прости мне грехи мои! Господи, уничтожь нужду мою подобно тому, как [26] ты [сам] сказал: „призывайте меня и я буду внимателен к Вам!“² Ты искренен в своих обещаниях, избавь же меня от горести, [27] печали, заботы, от долгов, недостатков, несчастия и болезни! Ты — помощник [28] всех удрученных горем, угнетенных и пораженных! Боже мой, ты тот, который сказал: „Не [29] отчаивайтесь в моей милости!“³ Ты же правдив в своем слове, и оно у тебя неложно. [30] Сохрани меня, господин мой, от несчастий этого мира и будущей жизни и не постыди меня, [31] о, мой владыка, пред вождями народов особенно в день Страшного Суда! Аллах велик, [32] Аллах велик, Аллах велик! Нет ему противодействующего, нет ему равного, нет у него [ни с кем] связи, нет, [33] ему подобного, он не описуем, нет ему подобного, нет ему предела, нет ему границ, нет [34] у него образа, нет у него сотоварища в царстве [его] и нет у него вазира. Я прошу тебя, о всемогущий, [35] о могущественный, о преславный, о Аллах, о Аллах, о всемилостивый, о всемилостивый, о всемилостивый, о милосердый, [36] о милосердый, о милосердый, если бы ты показал мне во сне то, на что я надеюсь на тебя! Ты почтил меня прощением мне [37] моего прегрешения, поистине ты — всемогущ!⁴ Даруй мне сохранение [в памяти] Корана! [38] Ты смешал вместе мой ум и мою плоть и ни на одно мгновение не предоставил меня самому себе, [39] потому что [для всего], что ты захочешь [ты] — всемогущ! Нет мощи и силы ни у кого, кроме как у Аллаха всевышнего великого! [40] Боже мой, о всемилостивый, о прещедрый, о владыка величия и почета, свидетельствую, что [41] все объекты поклонения, что ниже твоего престола до седьмой земли включительно, [42] ложны, кроме твоего существа. Боже мой, я уверовал в тебя; нет божества, кроме тебя! [43] Я избрал тебя [своим] владыкою; помоги [же] мне, о, помогающий просящим о помощи, и устрани от меня [44] все зло и напасти, [как] в этом мире, [так] и в будущей жизни! Устрани от меня зло всех [45] твоих тварей, ущедрь меня,

¹ Коран, сура II, стихи 19, 100 и 103. Кроме того, встречается во многих стихах.

² Коран, сура XI, стих 62.

³ Коран, сура XXXIX, стих 54 (там буквально сказано: „не отчаивайтесь в милости Аллаха!“).

⁴ Коран, сура III, стих 25, также сура LXVI, стих 8.

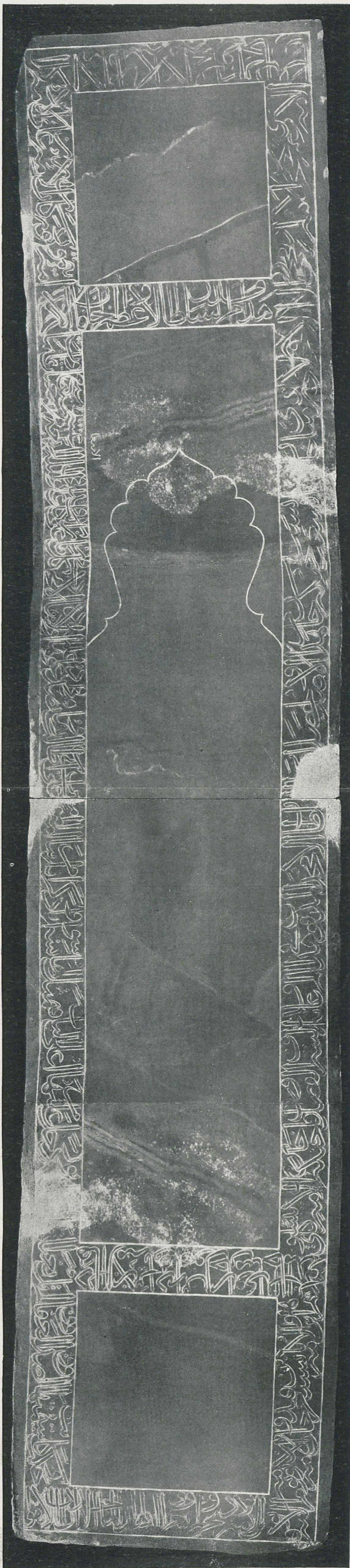

Рис. 2. Саркофаг из нефрита над местом погребения Тимура.

распространи на меня твои дары и помоги мне! Нет божества, кроме тебя! [46] Боже мой, окажи мне помощь в разрешенном тобою вместо запрещенного тобою, в покорности тебе вместо неповиновения тебе [47] и в благодати твоей от того, что исключает тебя! Боже мой, ты сотворил меня и я не был [до того] чем-либо. Я причинил себе ущерб, [48] совершил грехи и признаюсь тебе в моих беззакониях. О господи, если ты простишь меня, то ничто не убавится от [49] твоего царства; если ты накажешь меня, то ничто не прибавится в твоём могуществе! О господи, поистине ты не нуждаешься во [50] мне, а я не найду никого, кто простил бы мне мои грехи, посему прости мои прегрешения, о прощающий [51], о милосердый, о владыка величия и [всяческого] почета! Да почиет благословение Аллаха на Мухаммеде и на всем его потомстве!

Надпись на нефритовом надгробии Тимūra в мавзолее Гур-и Эмир, в Самарканде

По краям надгробия, начиная со второй перемычки, читается справа налево по-арабски следующее (рис. 2):

[затем, загибаясь влево кверху] هذا مرقد السلطان الاعظم والخاقان الاكرم || امير تمور گورگان بن الامير تيفای بن الامير بگل || [بن] الامير ایلنگیر بن الامير ایجل بن قراجار نویان بن || الامير سوغوجیچین بن الامير اردمچی بارولاس بن الامير قجولای بن تومنای خان و [بهذا] تشعب نسب جنگیز خان من هذا الاصل وحصل [выбито] [и замазано] لطان الامجد المدفون في هذا المرقد غاية الشرف والفضل قان جنگیز خان بن الامير ییسوкай || [отсюда переходит на 3-ю перемычку] بهادر بن الامير برتان بن قبول خان بن تومنای خان المذكور || [отсюда опять переходит на края] هو ابن الامير بایسنغر بن قیدو خان بن الامير توتومتین بن الامير بوقا || [отсюда] [на самой нижней перемычке] امه الانقوا || [дальше — вверх по краю] وحكى كانت شيمتها الصدق والعفاف ولم تد بعیًا انها حملته من نور دخل عليها من اعلى الباب فتَمَثَّلَ لَهَا بِشَرِّ اسْوَيَّا¹ وذكر انه من ابناء امير المؤمنين على بن ابي طالب وربما يصدقها في دعواها عليه اولادها الامجاد في كل زمان على كل غالب قد توفى ليلة الرابعة² عشرة من شعبان سنة سبع وثمانماية

«Эта могила величайшего султана и благороднейшего хакана || амīра Тимūra „Гүрегана“, сына амīра Тарага́я, сына амīра Баргу́ля ||, [сына] амīра Айлангīра, сына амīра Йджиля, сына Караджар Нойана, сына || амīра Сүгүджиджīна, сына амīра Ирдамчī „барүләс“,³ сына амīра Качүләя, сына Туманай хана. [Здесь] отделилось происхождение Чингиз хана от сего корня.

¹ Коран, сура XIX, стих 17.

² Над этим словом вырезана поправка الاربع, вероятно, в более позднее время.

³ На камне очень отчетливо читается именно „Барүләс“ (вместо „Барләс“).

И произошел [...сул]тан благороднейший, погребенный в этой в высокой степени славной и превосходной могиле. — Қаан [же] Чингиз хан, сын амйра Йесүкай || бахадур, сына амйра Бартан бахадур, сына Кабул хана, сына упомянутого Түменай хана || ; он же — сын амйра Байсунгура, сына Кайду хана, сына амйра Түтүмтина, сына амйра Бүкй, || сына амйра Бүзанджира. И не был известен отец у сего благородного, исключая того, что его мать [была] Аланкува || . Сообщается, что она была по своей природе правдивою и целомудренною и не была прелюбодейкою; она зачала его от света [который] проник к ней через горнюю дверь и предстал перед нею в образе совершенного человека. Он рассказал, что он — из сыновей повелителя правоверных 'Алйя, сына Абү Талиба; и неоднократно подтверждают ее [Аланкува] притязания на него [сына 'Алйя] ее благородные потомки, во все времена победители над всеми. Скончался же он [амйр Тимур], ночью 14 ша'бана 807 года [15 февраля 1405 года].

На торцовой части надгробия, что в ногах покойника, вырезана на нефрите следующая арабская надпись (рис. 3) с учетом отбитого куска камня слева внизу):

1. الحمد لله الذى صدق وعده ونصر عبده واعز جنده وهزم الآخر [اب]...
2. وحده ولا شئ بعده والصلاة على نبيه المحل للانفال والمحضر على القتال وعلى
3. آله الا شداء على الكفار والرحماء الابراء. إن هذا الحجر.....
4. نقله الخاقان دوا سحان خان من اودان الى مقبر سريه المسمى بقبرشى...
5. ونقله منه الغ بيك كورگان لما توجه الى جتا الذى هو ماهر جيداً...
6. قهر عليهم بصارم¹ مافيه لو التمه نوح على فلكه لم يامن الآ...
7. لو حل فيها خليل الله لاحترقا بجده...

[1] Хвала Аллаху, который правдив в своем обещании, [который] помог рабу своему, укрепил его войско и поразил скопище [его] противников... [2] Он один [или 'единого']² и нет ничего после него [Аллаха]. [Да почиет] благословение над пророком его, разрешающим добычу и побуждающим к бою... [3] Над его семейством, жестоким к неверным и милостивым к благочестивым. Подлинно этот камень... [4] Доставил его хакан Давā [Дувā] Саджан хан из Удāна [Аудāна?] в местопребывание его престола, называемое Қаршй... [5] Перевез его оттуда Улуг бек „гүреган“, когда он отправился в [страну] Джетā;³ он же весьма искусен... [6] И поразил он их [Моголов] своим острым мечом. И если бы приблизился к нему Ной на своем корабле, он не был бы в безопасности, кроме... [7] Если бы оста-

¹ Затрудняюсь прочесть это слово, ибо если читать مافيه, то это противоречит арабской грамматике.

² Возможно, что после слова الاحزاب 'скопище противников' читалось: „Нет божества, кроме Аллаха“...

³ Обычно в исторических письменных памятниках эпохи тимуридов население Моголистана именуется джэтэ (جته) — 'разбойники'.

Рис. 3. Торцовая плита нефритового надгробия над могилой Тимūra.

новился в нем Друг Аллаха [Авраам], то оба они непременно сгорели бы вместе с его предком.¹

Остановимся на этих двух надписях, посвященных Тимūру. На его надгробной плите окаймляющая центральную надпись лента арабских письмен представляет, как мы видели, генеалогию Тимūra, доказывающую его происхождение от общего предка с Чингиз ханом и возводящую его род к четвертому „праведному“ халифу ‘Алию, чем как бы подтверждается не только сейидское достоинство „великого ами́ра“, но и отмечается если не шиитское его вероисповедание, то, по крайней мере, его шиитские симпатии. Почти в тех же самых выражениях повторено происхождение первого предка Тимūra от халифа ‘Али и в надписи на нефритовом надгробии, поставленном его внуком Улуг бекон, и, как увидим ниже, на надгробии сына Тимūra, Миран шаха. Очень возможно, что это же было повторено и в надписи, окаймлявшей пышное надгробие любимого внука Тимūra, Мухаммед султана, которое теперь сохранилось в столь дефектном виде. Эти надгробные надписи как бы упорно стремятся показать, что Тимūr и тимуриды стремились афишировать свою принадлежность к алидам и, быть может, свой шиизм. На последнее обстоятельство мы находим ряд указаний в истории преемников Тимūra.

Неизвестно, в какой мере отличался шиитскими симпатиями ближайший преемник Тимūra, Шах рох, но в истории его сына Улуг бека имеется очень интересный эпизод, на который, кажется, никто из историков не обратил должного внимания. При Шах рохе в Герат переселился из Азербайджана шейх, сейид амір Му‘йнуddин ‘Али, вошедший в персидскую литературу и в суфизм под именем „Қасим-и Анвар“ (‘Раздающий мистические озарения’). Он был в молодости учеником шейха Садруддина Ардебилі, сына известного предка персидской шиитской династии сефевидов, шейха Сафйуддина (ум. в 735/1335 г.). Этот учитель Қасим-и Анвар пользовался такой славой и авторитетом, что сам Тимūr в своем походе на запад посетил его и был столь удовлетворен беседой с ним, что по его просьбе отпустил всех пленных, взятых им в Малой Азии.² Позже Қасим-и Анвар посетил Гилян и там, повидимому, общался с известным основателем крайней шиитской секты хуруфитов, Фадлуллахом Астрāбādским, ибо влияние идей хуруфитов в его произведениях несомненно.³ В Герате Қасим-и Анвар снискал такую популярность среди знати Хорасана, что Шах рох по своему авторитету государя оказался на втором плане. Қасим-и Анвар, проповедывавший крайние еретические идеи с точки зрения правоверного ислама, вызвал к себе весьма отрицательное отношение Шах роха и его сыновей, особенно утонченно-образованного Байсункūr мйрзы. Это неприязненное отношение усугублялось еще тем обстоятельством, что Қасим-и Анвар никому из них не оказывал

¹ Ввиду того, что камню у камня отбит большой кусок, затрудняюсь восстановить точный смысл последних строк.

² Beale Keane. An Orient. Biogr. Dict. London, 1894, стр. 372. Так же: مجالس المؤمنین сост. Кази Нуруллах-и Шустери. Тегеран, 1299, стр. 275.

³ E. Brown. A Hist. of Pers. Literature under Tartar Domin. Cambridg, 1920, стр. 479.

должного почета. В 836/1432 г. произошло покушение на жизнь Шāх роха в Соборной мечети Герата со стороны некоего Ахмед Лура, ученика выше-названного шейха Фадлуллы Астрāбādского.¹ Как было доказано, виновный перед этим вышел из дома Кāсим-и Анвāра, и шейх, вероятно, по подозрению в соучастии, был изгнан из Герата и нашел чрезвычайно радушный приют в Самарканде. Там его слова и речи произвели на Улуг бēка такое впечатление, что он стал его покорным учеником. В какой мере воспринял Улуг бēк учение своего духовного наставника, неизвестно, но по словам последнего великого классического поэта Ирана и главы хорасанских дервишей, шейха 'Абдурахмāна Джāmй (ум. в 898/1492 г.), встречавшиеся ему ученики Кāсим-и Анвāра в большинстве поражали своим неверием, „вступивши в сферу пренебрежения и отрицания шарй'ата и сунны“.² Исследование значительного поэтического и прозаического наследства Кāсим-и Анвāра, в котором затронуты глубочайшие философские проблемы, вероятно, дало бы любопытный материал для идеологии эпохи Улуг бēка и для характеристики личности этого ученого государя, видимо, долго находившегося под влиянием идей Кāсим-и Анвāра. На отступление же Улуг бēка от правил шарй'ата и на обличения его представителями самаркандского духовенства и дервишами указывает историк Востока, академик В. В. Бартольд.³

При приемниках Улуг бēка между отдельными тимуридскими принцами (вроде Хисарского наместника Бāйсонқұр мīрзы, сына самаркандского тимурида Султāн Махмұда) были открыто исповедывавшие шиизм, а большинство втайне сочувствовало ему, или во всяком случае относилось к нему без всякой вражды. И правление последнего тимурида, блестящего гератского государя, Султāн Хусейн мīрзы (1468—1506), было тесно связано с проявлением его шиитских симпатий. Вступивши на престол, Султāн Хусейн, по словам Мīрхўнда, „бросил во все стороны своего государства лучи набожности и приказал принять к выполнению такую его волю, показывающую его понимание шарй'ата: чтобы хутба и чекан монет отныне украсились именами и титулами непорочных имамов, — да почиет над ними мир! Молву о такой доброй репутации [Султāн Хусейна как ши'ита], распространив по всем странам света, пронесли [даже] через [безконечно далекий] портик Сатурна в новом звучании основ шарй'ата хашимитов. Но многие из принадлежащих к ханефитскому толку, которые в то время были в Герате чрезвычайно уважаемы и авторитетны, поспешили к подножью престола государства и, поговорив о предпочтительности суннитских правил, удержали [государя от его намерения]“.⁴

¹ E. Browne, ук. соч., стр. 366.

² نفحات الانس — حبيب السبیر Хўндемīра, т. III, ч. 3. Тегеран, 1271, стр. 211. Джāmй. Под. ред. N. Lees, Calcutta, 1858, стр. 690—693.

³ В. В. Бартольд. Улуг бек, стр. 95.

⁴ روضة الصفاء Мīрхўнда, т. VII. Лукнов, 1322/1904, стр. 14. То же самое в حبيب السبیر Хўндемīра (т. III, ч. 3, стр. 279). При этом Хўндемīр группу гератских протестантов называет „фанатиками ханефитского толка“ (معتصبان مذهب حنفی).

Но впоследствии эти ши'итские симпатии последнего тимурида опять проявились. В 885/1480—81 г. вблизи Балха была „открыта“ могила никогда здесь не бывавшего 'Алїя; в присутствии Султāна Хусейна и всех его амїров и сановников „святыня“ была признана подлинною и над мнимой могилой патрона всех ши'итов Султāн Хусейн в следующем году соорудил великолепную и богато отделанную „рауда“, которая донныне составляет главное святилище и красоту г. Мазар-и Шерифа.

Откуда пошла эта склонность преемников Тимūra к ши'итским воззрениям, об этом свидетельствуют вышеприведенные надписи на надгробных камнях их прадеда, идеология и подвиги которого пользовались у них величайшим авторитетом. Выдвигаемый некоторыми историками вопрос, был ли Тимūr ши'итом или суннитом, в соответствии с этими надписями, повидимому, решается в пользу первого предположения.

Центральная часть надгробной плиты Тимūra, занятая арабской надписью в 51 строку, представляет собою по существу ряд молитвенных воззваний, иногда сопровождаемых стихами Корана и напоминающих персидские *مناجات* известного „гератского старца“ 'Абдуллах-и Ансārї (ум. в 481/1088 г.). Видное место в этой надписи отведено покаянным мотивам и надежде на вечное милосердие тяжко согрешившего человека, что вполне совпадает с теми предсмертными настроениями Тимūra, которые нам описывают его историки.¹

Судя по палеографическим признакам, по тщательности глубокой резьбы по мрамору, особенно центральной части, где мастер должен был положить массу кропотливого труда и напряженного внимания, плита эта, повидимому, относится к началу XV в. и была сделана не наспех. Интересно отметить одно любопытное обстоятельство, что строки 35—38-я этой надписи в точности совпадают с такими же надписями на надгробии его внука Мухаммед Султāна (ум. в 806/1403 г.) и не будь это надгробие дефектно, то этих совпадений, возможно, оказалось бы и больше. Повидимому, существовал или известный „самаркандский“ трафарет в подобного рода эпитафиях, или обе эти надписи были сделаны одним „машшāқом“, принимая во внимание небольшой промежуток времени, протекший между смертью внука и деда.

Надгробие над местом погребения Тимūra в самом мавзолее, сделанное из двух огромных кусков нефрита, было поставлено его внуком Улуг бēком, как это усматривается из надписи на той боковой части надгробия, которая в ногах покойника. По свидетельству Мирхōнда, всего кусков нефрита было три: один привез еще Тимūr, а два последних куска—Улуг бēк, очевидно, по возвращении его из победоносного похода на Моголистан в 1425 г.²

¹ Л. А. Зимин. Подробности смерти Тимūra. „Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, год XIX“, Ташкент, 1914, стр. 44—48 (где дан перевод соответствующих подробностей смерти Тимūra из *ظفر نامه* Шерефуддина Езди).—В. В. Бартольд. Улуг бек и его время. Пгр., 1918, стр. 36, прим. 8.

² См. приложение к книге В. В. Бартольда „Улуг бек и его время“ (стр. 21 перс. текста Мирхōнда). То же в *روضۃ الصفاء* (Лукновская литогр., т. VI, 1322/1904, стр. 247).

К сожалению, эта часть надписи дефектна, ибо выбиты куски нефрита и выбоины загипсованы, и потому всю надпись связно нельзя прочесть. Про нефрит говорится в 4-й строке, что „доставил его Давā [Дувā] Саджāн хāн из Удāна [Аудāна?] в местопребывание его престола, называемое Қаршī“, а из следующей (5-й) строки усматривается, что „перевез его оттуда Улуг бек гүрегāн“, когда он отправился в [страну] Джетā...“ Следует заметить, что на надгробии имя монгольского хāна вырезано без диакритических точек, как *حاجان دواسجان خان*. У Мйрхōнда он именуется то в виде *حيچون خون خان*, то как *حيچون خون* (смотря по рукописи и изданию). Так как по словам историка Хōндемйра, потомок Джагатая в девятом поколении по одной версии назывался Давāб-хāн (*دوابخان*), а по другой — Давā Саджан (*دواسچن*),¹ то с значительной вероятностью имя его на настоящем надгробии Тймўра можно читать как „Хāқāн Давā или Дувā Саджāн хāн“. Что касается местности Удāн (а может быть Аудāн, так как огласовка отсутствует), откуда названный хāн привез в свою ставку этот нефрит, то это, возможно, тот *اوتن كلوران* в Восточном Туркестане, который в „Астрономических таблицах“ Улуг бека показан лежащим под 110° долготы и 46°45' широты.² Ставка Давā (Дувā) Саджāн хāна, называющаяся в надписи Қаршī (собственно, слово это монгольское, означает „дворец“, в данном же случае „главную ставку“),³ несомненно, не соответствовала современному г. Қаршī, основанному сыном Давā (Дувā) хāна, Кōбек хāном, в XIV в.,⁴ но лежала в другом месте, в районе р. Или.

¹ *حبيب السیر* Хōндемйра, т. I, ч. 3. Тегеран, стр. 30. — В. В. Григорьев в своей „Истории Монголов от древнейших времен до Тамерлана“ (СПб., 1834, стр. 113) читал это имя как „Даватхан (Дайзи-хан)“.

² *Prolégomènes des Tables Astronomiques d'Oloug-Beg*, trad. et comment. par Sédillot. Paris, 1853, стр. 268.

³ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 135—136; Он же. Улуг бек, стр. 83.

⁴ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 135—136. — Следует отметить, что В. В. Бартольд пишет имя отца Кōбек (Көбек)-хāна — Тува (Улуг бек, стр. 8).

А К А Д Е М И Я Н А У К С О Ю З А С С Р

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

имени академика Н. Я. МАРРА

СЕКТОР СРЕДНЕЙ АЗИИ

9 309
234
ЭПИГРАФИКА

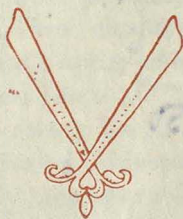
ВОСТОКА

III

СБОРНИК СТАТЕЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

ПРОФ. В. А. КРАЧКОВСКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

А. А. СЕМЕНОВ

НАДПИСИ НА НАДГРОБИЯХ ТИМҮРА И ЕГО ПОТОМКОВ В ГУР-И ЭМИРЕ

(Окончание)¹

Надпись на могиле Шāх-Роҳа (807/1405—850/1447) в склепе

Вверху, в изголовье, крупным сульсом вырезан символ мусульманства (рис. 1)

لا آله الا الله محمد رسول الله

‘Нет божества, кроме Аллаха. Мухаммед — посол Аллаха’.

В верхнем окаймлении этой надписи начинается текст надгробной надписи, сделанной довольно сжатой вязью, на персидском языке вперемежку с арабскими выражениями:

این روضه ایست از ریاض رضوان و
گاس[تا]نیست [از] بساتین جنان که مصحح² ||

Отсюда текст переходит влево и тянется по всей левой (от зрителя) кайме плиты:

این بهشت حضرت سلطان مبرور بیرون پادشاه مرحوم و مغفور و سلطان السلاطین
معین السلطنة والدنیاء والدین شاه رخ بهادر سلطان است اسکنه الله تعالی علی سریر
نعمه و توجّه بتاج الکرامه که متولد شده در پنجشنبه خامس عشر شهر ربیع الآخر سنه
تسع و سبعین و سبعماية ||

Далее текст переходит на нижнее поперечное окаймление:

یتزیّن الملک بوحوه الشریف فی شهر سنه سبع و ثمانماية و متوجه بارض خلد ||

Затем текст переходит на правое (от зрителя) окаймление, поднимаясь снизу вверх:
برین شد فی يوم الاحد اربع عشرین ذی الحجة الحجة (?) خمسين و ثمانماية الحجة القمرية
بمرحلة ری من امهات ولایت عراق وبعد از آنکه منتقل شد بدار الامان سمرقند باهتمام
بناءه این مادون سلیله این پادشاه عادل زاهد کامل عالم فاغفر له عصمة الدنيا و الدین
پاینده سلطان بیکه ||

¹ Начало см.: Эпиграфика Востока, II, М.—Л., 1948, стр. 49.

² Вертикальные штрихи в тексте надписи и в переводе обозначают распределение строк по линиям-каймам надгробной плиты.

Текст заканчивается переходом на поперечную линию под крупною надписью вышеупомянутого мусульманского символа:

دامت غصنها يا ارحم الرحمين يا ارحم الرحمين

Это — сад из садов рая, это — розовый цветник из цветников райских садов, который [является] местом вечного покоя; это — райская обитель его величества, в бозе почившего государя; || [это —] внешнее [место] покойного и прощенного падишаха, султана султанов, помощника государства, мира и веры, Шах-Роза бахадур-султана, да поместит его всевышний Аллах на престоле своих милостей, да увенчает [его] короною почета — каковой [государь] родился в четверг пятнадцатого числа рабь ул-ахира 779 года;¹ || украсил же царство своим благородным бытием в месяцы 807 года² и отправился в землю рая вечности || в воскресенье двадцать четвертого зй-л-хиджжэ 850 года хиджры по лунному летосчислению³ в месте [своей] остановки, в Рее, принадлежащем к числу главных областей Ирака. После же того он перенесен в обиталище безопасности, в Самарканд, попечением строительницы сего нижнего [т. е. могилы-саркофага с надгробною плитою], дочери этого справедливого государя, совершенного, ученого аскета, — прости его [Аллах! — непорочности мира и веры, Паенде Султан-бике, || — да длятся ее добродетели! О, милостивый из милостивых! О, милостивый из милостивых!]

Таким образом, приводимое в этой надписи последнее известие — о похоронах Шах-Роза в Самарканде — совершенно определенно опровергает столь категорическое утверждение историка, что перевоз останков Шах-Роза из Герата в Самарканд для погребения в мавзолее Тимūra был сделан Улуг-бэком.⁴ Как видно из этой надписи, дочь Шах-Роза, Паенде-Султан-бике, не только перевезла тело отца в Самарканд, но и соорудила мраморный гроб для него с надгробной плитой. К сожалению, мне не удалось найти каких-либо подробностей в известных мне источниках об этой дочери Шах-Роза. По свидетельству персидского историка XV—XVI вв., Хондемира, у Шах-Роза были две дочери (их имена он не приводит), из них одна была замужем за Мирзой Джахангиром, сыном Мирзы Мухаммед-султана [т. е., очевидно, внука Тимūra]; от нее родился Мирза Халиль-султан.⁵

При вскрытии погребения Шах-Роза привлекла общее внимание одна интересная и загадочная деталь — рядом со скелетом покойника, завернутого когда-то в саван, лежал небольшой деревянный ящичек, типа школьного пенала, но большего размера, в котором находилось 144 штуки мелких речных камешков (галька) серого и белого цветов.

¹ 21 августа 1377 г. н. э.

² 1405 г. н. э., по смерти своего отца, амира Тимūra.

³ В воскресенье 12 марта 1447 г. н. э. (у Хондемира в ч. 3, т. III, стр. 204) 25 зй-л-хиджжэ 850 г., т. е. 13 марта 1447 г.

⁴ В. В. Бартольд. Улугбек и его время. ЗРАН, VIII серия, Ист.-фил. отд., т. XIII, № 5, Пгр., 1913, стр. 127. — Он же. О погребении Тимура. ЗВО, т. XXIII, 1915, стр. 30.

⁵ حبيب السبي Хондемира, стр. 207.

Рис. 1. Надгробная плита на могиле Шāх-Роха.

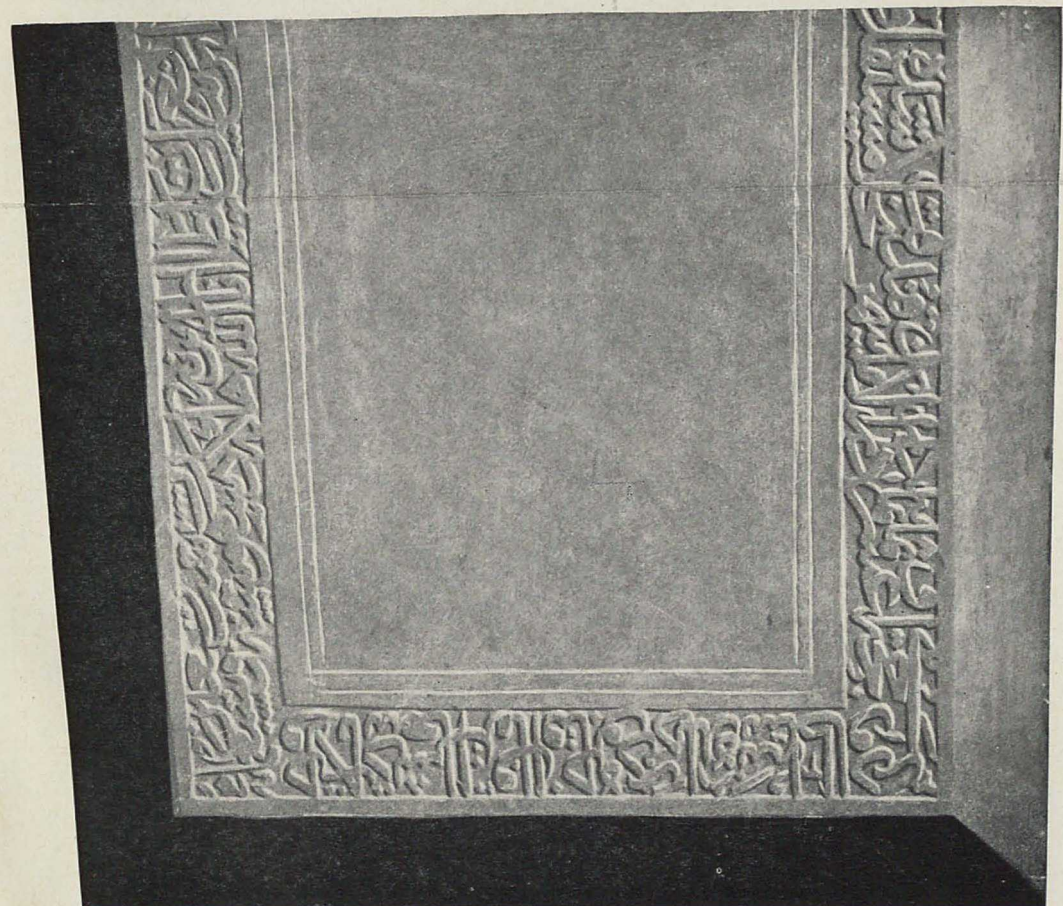
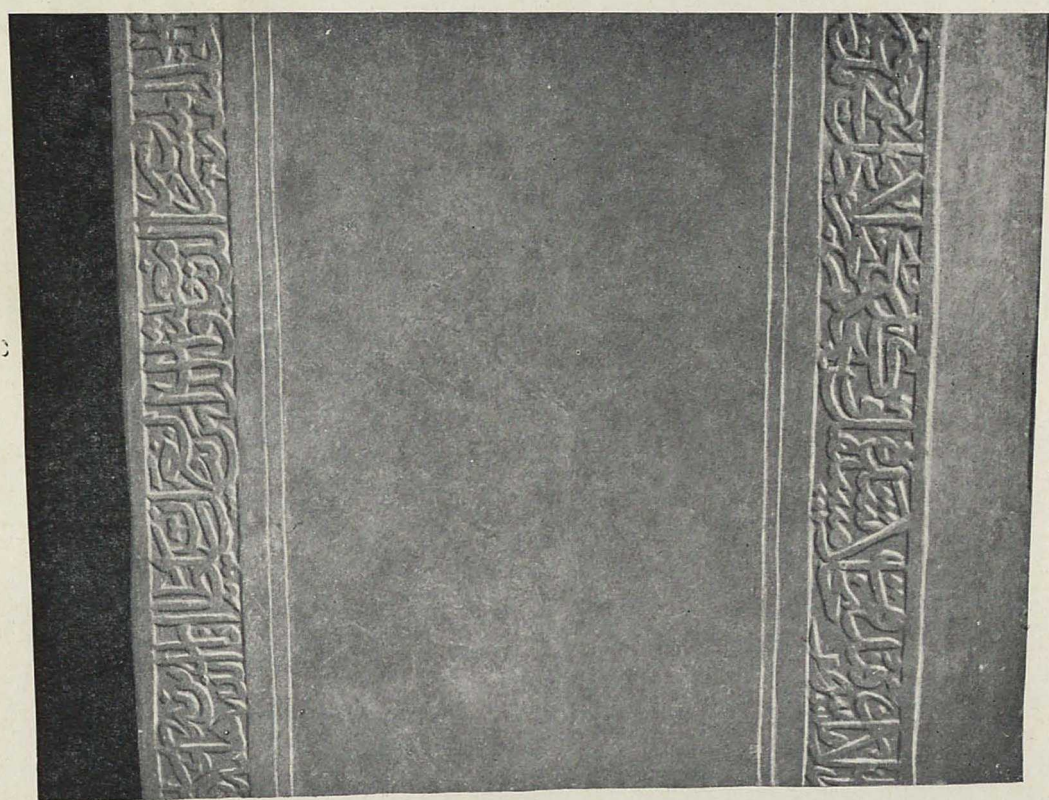
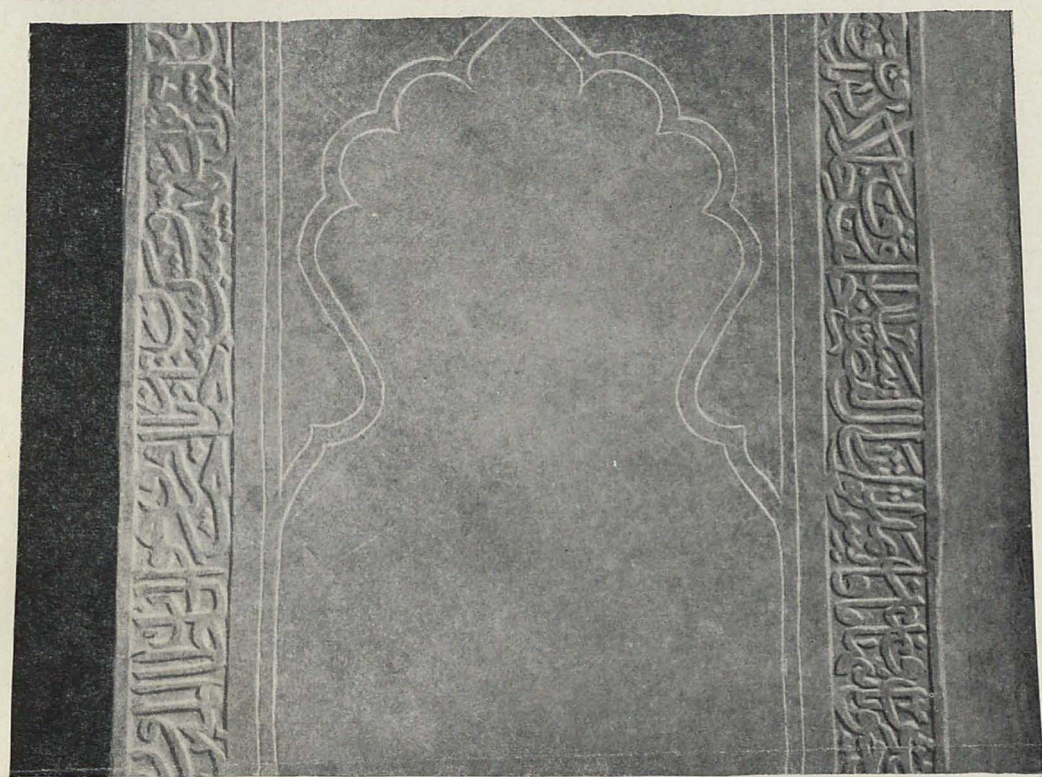
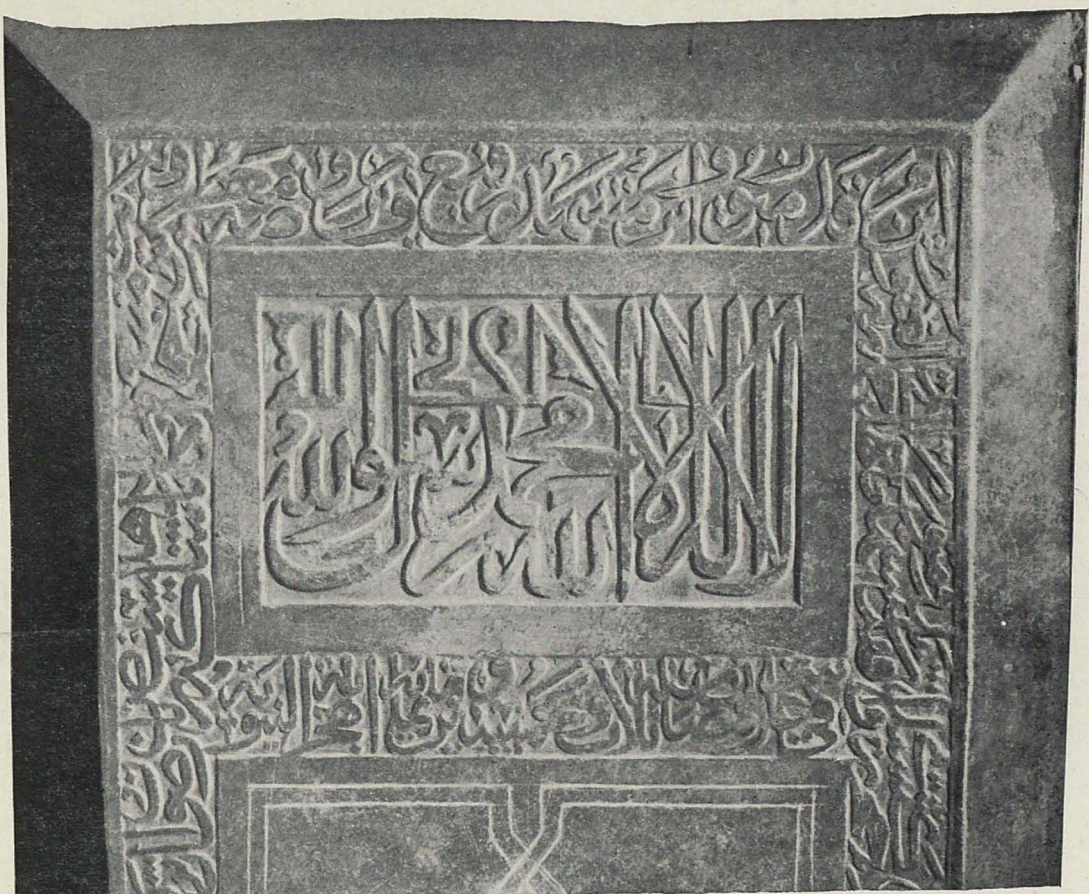

Рис. 2. Надгробная плита на могиле Улуг-бека.

Надпись на могиле Улуг-бека в склепе

В верхней перемычке-ленте, что в изголовье (рис. 2) над крупно вырезанным сульсом мусульманским символом

لا إِلَهَ إِلَّا اللَّهُ مُحَمَّدٌ سُلَّوْهُ

‘Нет божества, кроме Аллаха. Мухаммед — посол Аллаха’
начинается следующая персидская надпись:

این مرقد منور واین مشهد رفیع واین روضه معطر واین تراب منیع خوابگاه بادشا
هیست که ریاض رضوان از نولش بانز اهتیسست و بستان جنان با فرحت و هو السلطان
المبرور و خلیفه المسرور مغیث الدنیا و الدین الغ بیک سلطان انار الله برهانه که در شهر
سنه ست و تسعین و سبعمایه || ولادت با سعادتش اتفاق افتاده بود در بلدة سلطانیه و
در ای الحجه عشر و ثمانمایه در دار الامان سمرقند بخلافت مستقل شده و بحکم کل
یکجری لاجل مسمی چون مدت حیواتش بانتهای زمان فالش بمدلول نزل القضاء رسید
خلف او خلاف کرد بدو تیغ خنجر بروی کشید فقد استشهد بدو متوجهاً الى رحمة ربه
الغفور ||

и отсюда переходит на нижнюю, под символом, кайму, на которой и заканчивается так:

فی عاشر رمضان ثلاث وخمسين و ثمانمایه الهجرية النبوية

‘Эта светоносная могила, это славное место мученичества, этот благоухающий сад, || эта недосыгаемая гробница есть место [последнего] успокоения государя, нисхождением [в нее] которого услаждены сады рая и осчастливлен цветник райских обитателей, — он же — прощенный султан, обрадованный халиф, помогающий миру и вере, Улуг-бек — султан, — да озарит Аллах его могилу! — счастливое рождение которого совершилось в месяцы 796 года¹ || в г. Султаннийе;² в месяце [же] зй-л-хидже 810 [года]³ в городе Безопасности, в Самарканде, он стал полновластным в наместническом достоинстве; подчиняясь же приказанию [Аллаха] — „каждый плывет до назначенного ему срока“,⁴ когда время его жизни достигло до [положенного] предела, а предназначенный ему судьбою срок дошел до грани, указанной неумолимым роком, — его сын совершил в отношении его беззаконие и поразил отца острием меча [букв. кинжала], вследствие чего тот принял мученическую смерть в пустыне [сего мира], направившись к [дому] милосердия своего всепрощающего господа || 10 [числа месяца] рамадана 853 г. пророческой хиджры.⁵

¹ Т. е. в 1393/94 г. н. э. Более точно: Улуг-бек родился 19 джемади-ул-эввеля 796 г. х., т. е. в воскресенье 22 марта 1394 г. н. э. (В. В. Бартольд. Улугбек и его время, стр. 37).

² Султаннийя — город, основанный монгольским ильханом Аргунем, лежал в районе гор, к северу от Хамадана, между городами Абхаром и Зенджаном.

³ Т. е. между 28 апреля — 27 мая 1408 г.

⁴ Коран, сура XIII, ст. 2.

⁵ Т. е. 27 октября 1449 г. н. э.

Из содержания усматривается, что надгробная плита с подобной надписью, весьма недвусмысленно осуждающей отцеубийцу, 'Абдуллатифа, сына Улуг-бэка, не могла быть положена при нем и, несомненно, водружена позже, — по мнению акад. В. В. Бартольда, вероятнее всего в кратковременное царствование другого сына Улуг-бэка, 'Абдуллы.¹ Да и был ли здесь первоначально похоронен Улуг-бэк, погибший насильственной смертью? Может быть он перенесен сюда потом? Вскрытие его гроба, так же сделанного из белого мрамора, как гробы его деда и отца, обнаружило скелет с отсеченной прочь головою, причем удар шашки был нанесен с такой силой, что голова была моментально отделена от верхнего шейного позвонка, наискось срезанного, как кочан капусты.² Остатки на скелете шелковых цветных штанов на шелковых ушкурах (поясе) и шелковой рубашки показывают, что Улуг-бэк был похоронен, как шахид, в том костюме, в каком он был убит, едва успев перед смертью совершить омовение. Возбуждает недоумение этот факт ношения государем мусульманской страны шелкового нижнего белья, ибо это категорически запрещено шариатом. Ни один среднеазиатский хан или амир последнего времени никакого другого нижнего белья, кроме как сшитого из белой хлопчатобумажной ткани (карбос, араб. كِرْبَاس „кирбас“), не носил, и даже шелковый халат, надевавшийся поверх белья, должен был иметь бумажную подкладку, дабы более отделить от тела роскошь шелковой ткани. Шелковая или полшелковая подкладка на парчевых или бархатных халатах допускалась лишь потому, что таковые халаты носились обычно поверх 2—3 халатов.

Надпись на могиле внука Тимūra, Мухаммед Султана, за мраморной решеткой

Прямо перед зрителем сохранилось продолжение очень крупной арабской надписи, высеченной по мрамору вязью (рис. 3):

ما هذه الدنيا بدار قرار سير اخر سلام و غفران على ذلك الثرى وروح ورضوان وعلى ذلك

‘То, что этот мир — последнее путешествие в обитель вечности. Мир и прощение этой могиле. Покой и благословение — над этим последним жилищем...’

Вокруг этой крупной надписи, начиная с верхней части середины боковой правой перемычки, сохранились следующие строки (по-арабски). Сверху:

سَيِّدِي عَلَى رُؤْسِ الْخَلَائِقِ خَاصَّةً ۥ فِي يَوْمِ الْمَوْعُودِ اللَّهُ أَكْبَرُ لَا ضَدَّ لَهُ ۥ لَا نَدْلَهُ وَلَا وَصَلَ لَهُ وَلَا
شَبَهَ لَهُ ۥ وَلَا وَصَفَ لَهُ وَلَا كَفَوْ لَهُ وَلَا حَدَّ لَهُ وَلَا ۥ حُدُودَ لَهُ وَلَا مِثْلَ لَهُ وَلَا شَرِيكَ لَهُ ۥ فِي الْمَلِكِ
وَلَا وَزِيرٍ ...

¹ В. В. Бартольд. О погребении Тимура. ЗВО, т. XXII, 1915, стр. 31—32. — Он же. Улугбек и его время, стр. 135.

² См. подробности об убийстве Улуг-бэка у В. В. Бартольда (Улугбек, стр. 131).

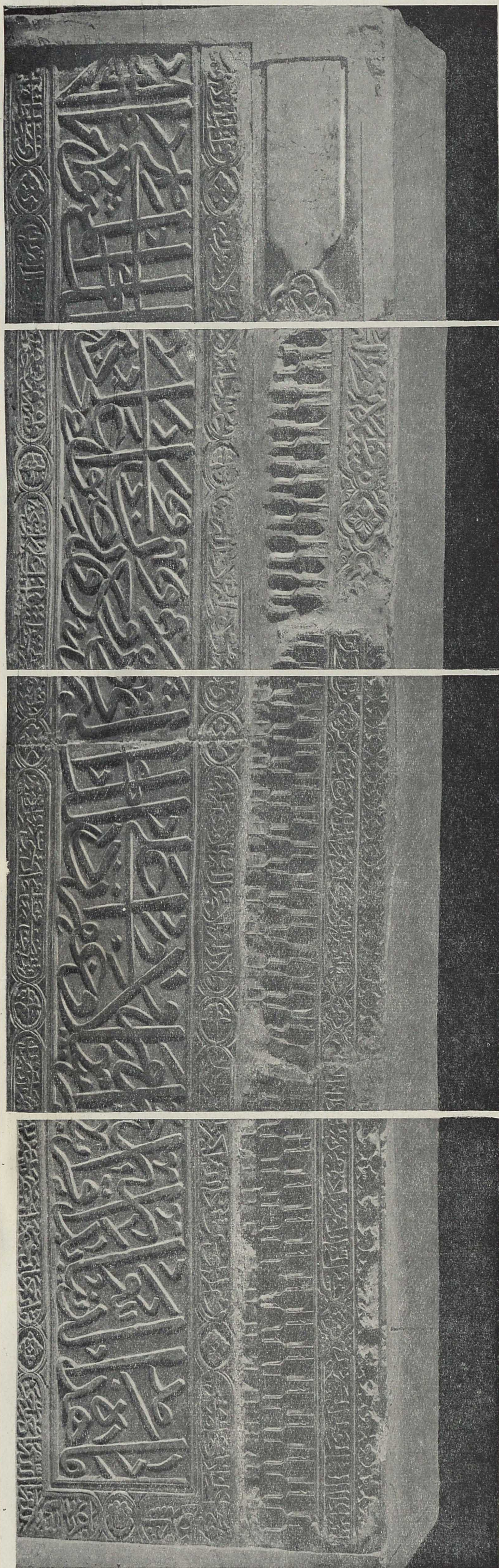

Рис. 3. Беломраморное надгробие на могиле Мухаммад Султана.

Рис. 5. Саркофаг над могилой Мираншаха.

чрезвычайно удачно отделяющим верхнюю часть гробницы. Ее надписи сделаны превосходно и в том же стиле, что и настенные надписи мавзолея. Никакое другое надгробие не может сравниться с этим по общей гармонии с внутренней декоративной отделкой. Если все другие гробницы носят характер как бы „случайных поступлений“, то надгробие Мухаммед Султана как бы говорит, что оно здесь хозяин, что для него был построен весь этот превосходный мавзолей, лишь потом превратившийся, по прихоти судьбы, в усыпальницу

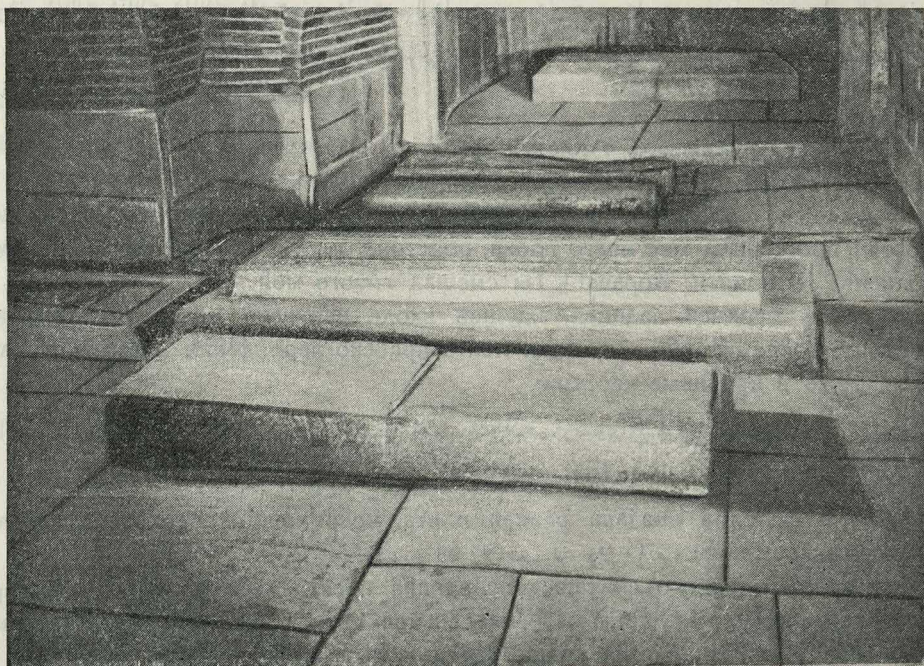

Рис. 4. Часть внутреннего склепа в Гур-и Эмире.

Тимūra и некоторых членов его семьи. И непонятным является лишь одно, когда и почему так неряшливо поставлено это превосходное надгробие с покосившимися, плохо пригнанными друг к другу частями, местами безобразно замазанными штукатуркой, как будто его откуда-то наспех перевезли или передвинули и кое-как укрепили, чтобы оно лишь не распалось на свои составные части?

Другое, пожалуй, еще более великолепное надгробие, столь похожее на это надгробие, над погребением ученого Абū 'Абдулла Мухаммед бен 'Али Хаким-и Тирмизī (ум. в 255/869 г.), находится среди развалин г. Термеза. Оно даже в деталях сходно с надгробием Мухаммед Султана: та же внешняя форма с таким же точно распределением письмен, тот же трехъярусный пояс сталактитов, обрамляющий верхнюю часть надгробия, и такая же лента надписей над этим поясом, та же верхняя плоская поверхность, — с одной лишь разницей. На термезской гробнице возвышается меньших размеров другая мра-

морная гробница, напоминающая формою и детскую, под пологом, восточную колыбель (گهواره), и наземную среднеазиатскую могилу (سگانه). Но можем ли мы теперь поручиться, что подобным небольшим саркофагом не увенчивалось и надгробие Мухаммед Султāна?

На самой могиле Мухаммед Султāна, что в склепе под полом, лежит толстая мраморная плита без всяких надписей. Под нею — мраморное ложе совершенно такого же типа, как в могилах Тимūra, Шах-Роха и Улуг-бека (рис. 4). В нем оказался плохо сохранившийся скелет, лежавший под остатками когда-то такого же роскошного черного шелкового покрывала, каким был покрыт деревянный гроб Тимūra. По этим фрагментам покрывала можно судить, что оно и у внука, и у деда было одинаковое или, по крайней мере, сделано из одной и той же материи.

Надпись на могиле Мйраншаха, сына Тимūra, в мавзолее

По краям надгробия (рис. 5), начиная с верхней перемычки, читается справа налево по-арабски следующее:

هذا مرقد السلطان الاعظم || سلطان ميروانشاه بن الامير تيمور گورگان بن الامير تغاي بن
الامير برگل بن الامير ايلانگير بن الامير ايجل بن الامير قراجار بن الامير سوغجين بن الامير
اردمچي برلاس بن الامير قاجولاي بهادر بن الامير تومنای بن || جنگيز خان بن الامير يسوگای
|| بهادر بن الامير برتان بهادر بن الامير قبول خان بن الامير تومنای بن الامير بایسنغر
بن الامير قايدو بن الامير توتومتين بن الامير بوقا بن الامير بوزنجور ولم يعرف لهذا المجد
والدًا الا ان الله الان قوا وقد حملته و لم يك بغيا بنور ; كاء من اسباط اسد الله الغالب
على بن ابى طالب

‘Это место [последнего] успокоения султāна величайшего, || султāна Мйраншаха, сына амйра Тимūra „гүргāна“, сына амйра Тарагāя, сына амйра Баргуля, сына амйра Айлангйра, сына амйра Йджиля, сына амйра Қарāджāра, сына амйра Сүгүджина, сына амйра Ирдамчй „барлāса“, сына амйра Қичүлāй бахāдура, сына амйра Түманāя, сына || Чингиз хāна, сына амйра Есүкāй || бахāдура, сына амйра Буртāн бахāдура, сына амйра Қабүль хāна, сына амйра Түманнāя, сына амйра Бāйсунгура, сына амйра Қāйдү, сына амйра Түтүмтйна, сына амйра Бүкā, сына амйра Бүзанджира. И не был известен у сего благородного отца, а только его мать Алāн Қувā; она же понесла его — и не было [это] прелюбодеянием,¹ а [следствием] чистого света, — от потомства Льва [Асад] Аллаха, победителя, ‘Алйя, сына Абү Тāлиба’.

По середине плиты в 26 строках вырезано по-арабски следующее:

[1] هو الحق لا آله الا هو

[2] له الحكم واليه رجعون

¹ См. аналогичное этому выражение в Коране, сура XIX, ст. 29. Может быть на надгробии следовало правильное читать ‘ولم تك بغيا’ и ‘не была она порочной женщиной’, но на камне вырезано *ولم يك*

- [3] وله الحول و القوة
 [4] بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ
 [5] وَالْهَيْكَمِ إِلَهَ وَاحِدٌ
 [6] لَا إِلَهَ إِلَّا هُوَ الرَّحْمَنُ وَ
 [7] الرَّحِيمِ اللَّهُ لَا إِلَهَ
 [8] إِلَّا هُوَ الْحَيُّ الْقَيُّومُ
 [9] لَا تَأْخُذُهُ سَنَةٌ وَلَا
 [10] نَوْمٌ لَهُ مَا فِي السَّمَوَاتِ
 [11] وَمَا فِي الْأَرْضِ مِنْ ذَا
 [12] الَّذِي يَشْفَعُ عِنْدَهُ إِلَّا
 [13] بِإِذْنِهِ يَعْلَمُ مَا بَيْنَ أَيْدِيهِمْ
 [14] وَمَا خَلْفَهُمْ وَلَا يُحِيطُونَ
 [15] بِشَيْءٍ مِنْ عِلْمِهِ إِلَّا بِمَا شَاءَ
 [16] وَسِعَ كُرْسِيُّهُ السَّمَوَاتِ
 [17] وَالْأَرْضَ وَلَا يَئُودُهُ
 [18] حِفْظُهُمَا وَهُوَ الْعَلِيُّ
 [19] الْعَظِيمُ وَلَا أَكْرَاهُ فِي
 [20] الدِّينِ قَدْ تَبَيَّنَ الرُّشْدُ
 [21] مِنَ الْغَيِّ فَمَنْ يَكْفُرْ
 [22] بِالطَّاغُوتِ وَيُؤْمِنْ بِاللَّهِ
 [23] فَقَدْ اسْتَمْسَكَ بِالْعُرْوَةِ
 [24] الْوَثْقَى لَا آَنْفِصَامَ لَهَا
 [25] وَاللَّهُ سَمِيعٌ عَلِيمٌ
 [26] صَدَقَ اللَّهُ الْعَظِيمُ

- [1] Он — бессмертный. Нет божества, кроме него!
 [2] Ему принадлежит господство и к нему [все] возвращаются;
 [3] у него могущество и сила.
 [4] Во имя Аллаха милостивого и милосердного!
 [5] „Ваше божество — бог единый;
 [6] нет божества [иного], кроме него, милостивого и
 [7] милосердного!“ — „Аллах... Нет [другого] божества,
 [8] кроме него, бессмертного, присносущего!
 [9] Его не объемлет ни дремота, ни
 [10] сон: в его власти все, что на небесах,
 [11] и все, что на земле. Кто может
 [12] ходатайствовать пред ним без
 [13] его позволения? Он знает, что пред ними и
 [14] что позади них; они же постигают

- [15] из его знания только то, что ему угодно.
- [16] Престол его обширнее небес
- [17] и земли и не бремя для него
- [18] хранение их обоих; он — высокий,
- [19] великий. — Нет принуждения в
- [20] религии. Ясно отмечается прямой путь
- [21] от кривой дороги и потому — кто отрицает
- [22] ложное вероучение и верит в Аллаха, —
- [23] тот держится за самую крепкую
- [24] вещь, которая несокрушима.
- [25] Аллах — слышащий, знающий“.
- [26] Правдив Аллах великий!

Текст строчек 5, 6, половины 7 является 158 стихом из II суры Корана; с половины 7 строки по 25 включительно текст представляет так называемый „престольный стих“ 256 и 257 из той же II суры Корана.

Могила сына Тимūra, Мйрāншāха, едва ли не самая запущенная из всех могил, которые находятся в центральной части Гур-и Эмира. Ее верхнее покрытие обрушилось и разрушило скелет покойника, положенный не в мраморную гробницу, как другие его родственники, а просто в вырытую в земле могилу, с легкой кирпичной облицовкой; никакой плиты над этой могилой не было. Но надгробие Мйрāншāха за мраморной решеткой, в верхнем помещении мавзолея Гур-и Эмира, — весьма не плохое и по материалу (черный мрамор), и по резьбе, и представляет собою хороший образец подобного рода намогильных памятников XV в. Надписи, вырезанные только на верхней поверхности надгробия, как мы видели, не дают ни дат, ни исторических сведений. Лишь по краям надгробия надпись включает сведения, что эта гробница — принца Мйрāншāха, сына амира Тимūra, с перечислением его предков до легендарной Алан Қувā, с подчеркиванием, что ее мужем был Алид — „чистый свет, [проистекший] от потомков Льва Аллаха, победителя ‘Алия, сына Абū Тāлиба“.

Что Мйрāншāх погиб в Азербайджане от руки воевавшего с ним Қара Йўсуф туркмена в 810/1407—1408 гг. или, по другой версии, 14 рамадāна 809 (22 февраля 1407 г.), что потом кости его были перенесены из Азербайджана неким „Шамс-и Гўрї‘ем“ („Могильным солнцем“) в Мāверāннахр и похоронены в Шахриябзе, — об этом на надгробии нет ни слова. „О перенесении их впоследствии из Шахриябза в Самарканд ничего не сообщается“, — замечает акад. Бартольд.¹ Не сообщается об этом и в надгробной надписи. Загадочным является и то, кто и когда соорудил это надгробие Мйрāншāха?

Давая все эти надписи в оригиналах и переводах, я не касался тех погрешностей, которые допустили в их разборе С. А. Лапин и М. Э. Блоше (М. Е. Blo-

¹ تاريخ سيد راقم, принадлежащая мне рукопись, повидимому, XVII в., лл. 60—61. — В. В. Бартольд. О погребении Тимура, стр. 30.

chet),¹ ибо полагал, что даваемые здесь фотографические снимки с этих надписей нагляднее всего показывают, как их следует читать, тем более что у С. А. Лапина не дано ни одного снимка с надписей. У Блоше к его работе хотя и приложена таблица с четырьмя надписями (на нефритовом надгробии Тимūra, на неизвестно откуда взятой плите, на надгробии Мираншаха и на плите Улуг-бека), но первые три представляют собою фотокопии только с письмен, вне всякого их отношения к материалу и фону, на которых они возникли; отсюда, естественно, все вышло подчищенным, подретушированным; четвертая надпись, несомненно, воспроизводит не эстампаж, а копию с надписи, воспроизведенную Абū Са'ид Ма'сūмом или кем-либо другим, поэтому-то в этой надписи есть значительные погрешности против подлинника. Особенно бросается в глаза неумело скопированная (и, разумеется, не путем снятия эстампажей) самая крупная и прекрасная надпись в верхней части плиты с мусульманским символом, в которой резчик допустил ошибку в выражении, сделанном в верху этой надписи: для заполнения свободного поля он вырезал куфическим письмом الملك الله, но пропустил мīm, и получилось الله الملك.

¹ Приношу искреннюю благодарность профессору А. Ю. Якубовскому за присылку мне отдельного оттиска вышеупомянутой работы М. Э. Блоше, которой не было в библиотеках Средней Азии, и М. А. Салье за оказанную мне помощь в расшифровке некоторых слов и речений в приведенных надписях.